

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 252 с.
4. Мультитран – электронный словарь. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru>, свободный. – Заглавие с экрана.
5. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь / П. Р. Палажченко. – Москва : Р.Валент, 2010. – Т. 2. – 247 с.
6. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners. – 5th ed. – An Imprint Harper Collins Publishers, 2008. – 1984 p.
7. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 10th ed. – Encyclopedia Britannica company, 2003. – 1532 p.
8. Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language / W. W. Skeat. – Oxford, Clarendon press, 1963. – 780 p.

References

1. Blakar R. Yazyk kak instrument vlasti // Yazyk i modelirovaniye social'nogo vzaimodeystviya. Moscow, Progress, 1987, pp. 88–125.
2. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. St.-Petersburg, Norint, 2001. 1535 p.
3. Komissarov V. N. Teoriya perevoda. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 252 p.
4. Multitran – elektronnyj slovar'. Available at: <http://www.multitran.ru>.
5. Palazhchenko P. R. Moj nesistematicheskij slovar'. Moscow, R.Valent, 2010. Vol. 2. 247 p.
6. Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners. 5th ed. An Imprint Harper Collins Publishers, 2008. 1984 p.
7. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 10th ed. Encyclopedia Britannica company, 2003. 1532 p.
8. Skeat W. W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, Clarendon press, 1963. 780 p.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ДРУЖЕСКОЕ ПИСЬМО» В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Горлова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: alexgalin@mail.ru.

В настоящей статье автор предпринимает попытку проанализировать языковое воплощение и некоторые структурные особенности речевого жанра «дружеское письмо» как разновидности эпистолярной формы «частное письмо» на примере переписки А.С. Пушкина и его дружеского окружения.

Ключевые слова: национальная речевая культура, речевой жанр, частное письмо, дружеская переписка, эпистолярный текст, фатические этикетные формулы

THE SPEECH GENRE OF THE FRIENDLY CORRESPONDENCE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF FORMING OF THE NATIONAL SPEECH CULTURE

Gorlova Galina N., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: alexgalin@mail.ru.

In this article the author tries to analyse the linguistic embodiment and some structural features of the speech genre of friendly correspondence as a variety of the epistolary form "a private letter" on the example of Pushkin's letters to his friends.

Keywords: national speech culture, speech genre, private letter, friendly correspondence, epistolary text, phatic etiquette formulas

Начало XIX века в России – период, когда менялось отношение к русскому литературному языку, к его месту и значению в коммуникативном пространстве, когда велась полемика между двумя литературными обществами – «Арзамасом» и «Беседой любителей русского слова» – карамзинистами и сторонниками Шишкова – о путях развития национального языка как социокультурного феномена. Особый интерес для нас представляет вопрос об отношениях литературного языка и разговорной речи, сложившихся в данное время. Вот что пишет по этому поводу И.А. Иванчук: «Две противоборствующие силы этого времени – "новый слог" Карамзина и архаизаторские тенденции Шишкова – отражают разные подходы к взаимодействию языка литературы и живой речи и разное понимание природы самой разговорной речи» [6, с. 295].

Карамзинисты возводили в культ свой эстетический идеал – изящество слога и основанный на нём принцип «писать так, как говоришь, и говорить так, как пишут». Ориентируясь на дворянскую эстетику, «... карамзинисты создавали тот изысканно сглаженный слог, который соответствовал не реальной речевой практике образованного общества, а идеальному представлению о ней» [6, с. 296]. Изысканная манера «нового слога», тяготеющая к некоторой вычурности и излишней патетичности, была приемлема для стилистики сентиментальной литературы, но отнюдь не отражала реалии эпистолярного стиля и устного светского общения образованного общества данной эпохи.

Разговорная речь начала XIX века, испытывая влияние «нового слога», продолжала традиции речевого быта XVIII века с его свободным обращением к просторечной архаике. Именно на эти традиции опирался А.С. Шишков, чья языковая оппозиция проявлялась не только в культивировании славянской архаики и неприятии любых заимствований (что в основном и вызвало нарекания как у современников карамзинистов, так и у будущих исследователей), но и во взглядах на разговорную речь. Шишков и другие представители возглавляемого им общества «Беседа любителей русского слова», яростно защищая всё самобытное русское от «разрушающего влияния» европейской культуры, что в целом противоречило общим тенденциям развития культурных традиций и литературного языка, тем не менее, во многом были реалистичнее во взглядах на языковую ситуацию, чем приверженцы «нового слога» – карамзинисты, которые ориентировались на «идеальный» стиль речевого поведения в соответствии с эстетикой сентиментализма. «Беседчики» и Шишков в первую очередь ратовали за самобытность пути развития русского языка, в этом сила их позиции, но они не принимали идею сближения книжного языка с разговорной речью, считая её противоестественной, потому что полагали, что следовать «новому слогу», «писать так, как говоришь» означает «не знать различия между красноречивым и простонародным <...> языком» [14, с. 67].

Особый интерес представляет позиция А.С. Пушкина в этом вопросе. Самый молодой член «Арзамаса», приверженец сентиментализма, Пушкин в середине 20-х годов если и не перешёл на сторону ревнителей «старого слога», то в отношении вопросов о самобытности русского языка и его особом пути развития, а также во взглядах на роль и место просторечия в коммуникативной практике образованных носителей языка был ближе к Шишкову и его сторонникам. Пушкин синтезировал идеи оппонентов, создав «единую систему, в которой они не просто сосуществуют и сопологаются друг с другом, но и переплавляются в совершенно новое качество» [3, с. 326]. Вот как выразил Пушкин своё отношение к главному постулату «нового слога»: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному, <...> писать единственно языком разговорным значит не знать языка» [11, с. 438–439]. Не принимал Пушкин и стремлений карамзинистов ориентироваться на изысканно сглаженный слог, который отражал «не реальную речевую практику образованного общества, а идеальное представление о ней» [6, с. 296].

Но такая позиция Пушкина не просто декларировалась им в теоретических дискуссиях, его речевое поведение в разных жанрах бытового общения, язык его прозы, стиль и слог его писем подтверждали и развивали эти коммуникативные установки.

О том, как формировалась разговорная речь в первой трети XIX века, при каких условиях складывались традиции русской речевой культуры, можно судить по тому, как развивались устные и письменные формы коммуникации, в частности, дружеское письмо.

Мы предпримем попытку проанализировать языковое воплощение речевого жанра «дружеское письмо» как разновидности эпистолярной формы «частное письмо» на примере переписки А.С. Пушкина и его дружеского окружения. В контексте данного исследования представляются релевантными идеи И.А. Лешутиной о значении «почтовой прозы», язык которой отражает основные тенденции в эволюции русского литературного языка описываемой эпохи: «Именно в эпистолярной писателем происходило сближение разговорной речи с книжно-письменным языком, вырабатывался разговорно-интеллигентский язык, прослеживалась динамика стилистических новаций, создавался особый стиль дружеского письма. Поэтому они заслуживают углубленного изучения» [8].

Анализ эпистолярного текста, как и любого дискурса, с позиций генристики неразрывно связан с именем М.М. Бахтина, который включал в репертуар речевых жанров письмо. Учёный, описывая основные признаки речевых жанров (РЖ), называл триаду «тема – композиция – стиль» основным фактором, формирующим «отдельное высказывание» (РЖ), характерное для какой-либо сферы деятельности: «Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения» [1, с. 249–250]. Бахтинская триада определяет в полной мере и специфику дружеской переписки как коммуникативной деятельности.

Частное письмо как речевой жанр и дружеское письмо как его разновидность были предметом исследования многих современных исследователей (Н.А. Ковалева, А.Е. Кибрик, О.П. Фесенко, Т.Н. Кабанова А.В. Белова, И.А. Лешутина). Однако универсального представления о природе данного РЖ в современной науке нет. В контексте данной работы правомерным будет принять определение, предложенное Н.А. Ковалевой: «Жанр текста письма – социально обусловленная конвенция языкового общения, существующая как единство коммуникативно прагматических, структурно-семантических и эмотивно-аксиологических свойств» [7, с. 6].

Следом за учёным, полагающим, что «эпистолярный отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте» [7], постараемся проанализировать некоторые тенденции развития языка дружеского письма в первой трети XIX века на примере переписки А.С. Пушкина и его друзей-писателей.

Одним из маркеров дружеского письма является использование особых форм фатических моделей эпистолярного взаимодействия. В частности, этикетные формулы начала письма отражают тональность общения и характер взаимоотношений между адресантом и адресатом, кардинально отличающихся от общепринятых формул официального и полуофициального письменного общения в светском обществе описываемого периода. Как и все остальные коммуниканты, Пушкин и его современники использовали традиционные формулы начального обращения к официальным адресатам. Чаще всего, это была устоявшаяся модель «милостивый государь», либо (к титулованным особам) «князь», «граф», «барон» соответственно. В зависимости от степени официальности письма выбирались и другие стандартные обращения: «Ваше сиятельство», «Ваше высокопревосходительство» и т.п.

Обращение же к адресатам дружеского письма демонстрирует совершенно иную, интимную, доверительную тональность: «Любезный мой Павел Воинович...» (Пушкин – П.В. Нащокину) [9, с. 188], «Любезный Иван Алексеевич...» (Пушкин – И.А. Яковлеву) [9, с. 206]. Приведённые примеры иллюстрируют наиболее распространённую, нейтральную формулу обращения к адресату. В отдельных случаях обращения становятся показателями настроения автора письма, его отношения к адресату, его интенции в соответствии с содержанием послания. Вот самые интересные примеры таких любовно-дружеских обращений: «Милый Пушкин, поздравляю те-

бя...» (А.А. Дельвиг – Пушкину) [5, с. 309], «Мой Дельвиг, я получил все твои письма... Душа моя, ты слишком мало пишешь... Скучно, моя радость...» (Пушкин – А.А. Дельвигу) [4, с. 527]. Иногда шутливая форма обращения характеризует не только автора, но и адресата переписки: «Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная!» (Пушкин – В.Ф. Вяземской); «Безалаберный! Полно тебе писать глупости Анне Петровне...» (Пушкин – С.А. Соболевскому) [5, с. 99].

И если у Пушкина устная форма письма проявляется и в разговорном характере начальных и конечных сегментов письма, то его друзья по переписке, принадлежащие к «романтической» школе, используют элементы высокого стиля, создавая именно книжные формы фатик, что отражает эпистолярную культуру авторов-литераторов: «Милый брат по Аполлону! это тебе возможно!» (В.А. Жуковский – Пушкину) [4, с. 592]; «Благодарю, тебя милый Поэт, за отрывок из "Цыган" и за письмо; первый прелестен, второе мило» (К.Ф. Рылеев – Пушкину) [4, с. 611]. Начальные фатические модели обращений могут рассматриваться как простые РЖ в составе сложного жанрового образования (гипержанра). Такого мнения, в частности, придерживается Н.А. Ковалева. Кроме того, они могут быть представлены как категории персонализации адресата (обращение) и адресанта (подпись), следовательно, логично проанализировать и второй обязательный фатический элемент дружеского письма – конечную формулу и подпись.

Этикет предусматривал особые формулы концовок как официального, так и частного, в том числе и дружеского послания. Степень формально уважительной, почтительной, даже самоуничижительной тональности концовок официально-делового письма наглядно иллюстрируют примеры из писем, которыми обменялись в ноябре 1826 года Шеф Канцелярии Его Величества императора Николая I граф А.Х. Беккендорф и титулярный советник А.С. Пушкин: «...С совершенным почтением имею честь быть ваш покорный слуга А. Беккендорф», «С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства всепокорнейший слуга Александр Пушкин» [5, с. 60–61]. Данные фатические модели концовок писем соответствуют этикетному стандарту и ни в какой степени не эксплицируют истинные чувства и интенции эпистолярных коммуникантов. В отличие от официального письма в дружеском послании концовки – этикетные формулы и подпись не регламентируются столь жёстко, но, главное, даже включённые в единый социокультурный контекст, они являются показателями характера межличностного отношения коммуникантов и интенций автора письма, его настроения. Проиллюстрируем данное положение примерами таких «конечных сегментов» дружеских писем А.С. Пушкина к П.А. Плетнёву: «Грустно, душа моя, обнимаю тебя и целую наших»; «Прощай, душа моя; кланяйся от меня жене и дочери»; «Главное: будем живы и здоровы. Прощай, мой ангел»; «Деньги, деньги: вот главное, пришли мне денег. И я скажу тебе спасибо. Да что же ты не пишешь ко мне, бессовестный?» [5, с. 323, 354, 428, 396].

Отступление от стандарта характеризует не только начальные и конечные фатические формулы дружеской переписки представителей культурной элиты описываемой эпохи. Важной чертой языка и стиля дружеского письма является также использование экспрессивных языковых средств, в том числе разговорного характера.

Речь Пушкина и его окружения в дружеской переписке вольнее в отношении экспрессивного использования просторечной лексики, чем в письмах к светским знакомым. Хотя нельзя пройти мимо очень интересного замечания П.А. Вяземского, что Пушкин «не любил щеголять во что бы то ни стало простонародным наречием» [2, с. 149], следует всё же отметить, что просторечные и даже грубопросторечные выражения довольно часто фигурируют в дружеской переписке Пушкина. Но данный факт отнюдь не свидетельствует об использовании этих лексических средств в инвективных целях, поскольку их следует рассматривать в контексте шутливо-дружеской тональности этих писем. Вот цитаты из писем Пушкина П.А. Плетнёву: «...мы будем старые *хрычи*, жёны наши старые *хрычовки*, а детки будут славные, молодые, весёлые ребята» [10, с. 287]; «пришли мне, мой милый, экземпляр

20 Бориса для московских *процелыг...*» [10, с. 212] (выделено нами). Просторечное слово создаёт колорит дружелюбной насмешливости, ироничности, весёлости, о чём сам Пушкин писал «...отличительная черта в наших нравах есть какое-то лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» [13, с. 32].

Грубопросторечные лексические единицы встречаются в переписке Пушкина с друзьями, если речь идёт о жизненных реалиях, вызывающих резко негативную оценку автора, или используются в качестве характеристики людей, которых автор не уважает и не считает нужным эвфемистическими средствами вуалировать своё к ним отношение. Приведём несколько таких примеров. «Дело идёт о Конверсационс Лексиконе: я это *проноухал* <...> Поедем: что за беда?.. Всего насмотримся и наслышимся – а в *воровскую шайку* не вступим» (А.С. Пушкин – В.Ф. Одоевскому) [10, с. 29]; «...я имею право презирать Булгарина и не требовать удовлетворения от *ошельмованного негодяя*, толкующего о чести и нравственности». Пушкин – М.П. Погодину. 1834 г. [10, с. 32]. «Сенковский такая *бестия*, а Смирдин такая *дура* – что с ними связываться невозможно» [10, с. 118]. Подобный пример видим и в письме П.А. Вяземского: «Новоселье», где рядом с Жуковским – Хвостов, где я профилем, Булгарин во всю *харю*; где мёд с дёгтем, но и дёготь с мёдом... (П.А. Вяземский – А.И. Тургеневу) [5, с. 455]. Речевая свобода в использовании такого рода сниженной лексики мотивируется прежде всего условиями общения – дружеские отношения между адресатом и адресантом, с другой стороны, данные примеры только подтверждают главную пушкинскую стилистическую установку на «чувство соразмерности и сообразности» в выборе форм речи.

Авторы дружеских писем допускают использование таких стилистически сниженных средств, которые помогают создавать впечатление нескучности, спонтанности, непосредственности речи.

В языке дружеских писем пушкинской эпохи отражается начальный процесс сложения национальной речевой культуры, сформировавшейся в условиях общественно-литературной борьбы 10–20-х годов XIX века. Заслуга в этом А.С. Пушкина и его литературных друзей и единомышленников неоспорима. Соблюдение коммуникативных, этических, эстетических установок устного и письменного общения, регламентируемых светским этикетом, органически соединялось с блестящим языковым мастерством, в котором отражались эмоциональное мышление и доверительность в отношениях автора и реципиента. Новые стилевые принципы организации социального взаимодействия в дружеской переписке, предполагающие синтез книжных форм культурной коммуникации с естественностью, живостью, непосредственностью разговорной речи, опирающейся на традиционное русское просторечие, «обогащённое в светском речевом узусе», заложили традиции русской речевой культуры, стали прологом формирования новой социальной общности в русском образованном обществе – интеллигенции.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Постановка проблемы и определение речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основаниям гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 249–250.
2. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений – Санкт-Петербург, 1882. Т. VII.
3. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б. М. Гаспаров. – Санкт-Петербург : Акад. проект, 1999. – 396 с.
4. Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники : в 2 т. / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. – Москва : Правда, 1986. – Т. 1. – 736 с.
5. Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники : в 2 т. / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. – Москва : Правда, 1987. – Т. 2. – 704 с.
6. Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Иванчук. – Санкт-Петербург, 2005. – 697 с.
7. Ковалева Н. А. Русское частное письмо XIX в. : Коммуникация, жанр, речевая структура : дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Ковалева. – Москва, 2002. – 576 с.

8. Лешутина И. А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия : дис. ... д-ра филол. наук / И. А. Лешутина. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/konstanty-i-peremennye-russkoi-pochtovoi-prozy-pervoi-treti-xix-stoletiya#ixzz2ucSopb5B>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Последний год жизни Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. – Москва : Правда, 1990. – 704 с.
10. Пушкин А. С. Письма последних лет (1834–1837) / отв. ред. Н. В. Измайлов. – Ленинград : Наука, 1969. – 526 с.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва, 1949. – Т. 7.
12. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва : Современник, 1982. – Т. 10: Письма 1830–1837 годов. – 606 с.
13. Раевский Н. А. Пушкин и Долли Фикельмон / Н. А. Раевский. – Москва : Алгоритм, 2007. – 384 с.
14. Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. – Санкт-Петербург, 1924. – Ч. 3.

References

1. Bahtin M. M. Postanovka problemy i opredelenie rechevyh zhanrov // Bahtin M. M. Avtor i geroy: K filosofskim osnovanijam gumanitarnyh nauk. St. Petersburg, Azbuka, 2000. pp. 249–250.
2. Vjazemskij P. A. Polnoe sobranie sochinenij. St. Petersburg, 1882. Vol. VII.
3. Gasparov B. M. Pojeticheskij jazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo jazyka. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 1999. 396 p.
4. Zhizn' Pushkina: Perepiska; Vospominaniya; Dnevniky : in 2 vol. Moscow, Pravda, 1986. Vol. 1. 736 p.
5. Zhizn' Pushkina: Perepiska; Vospominaniya; Dnevniky : in 2 vol. Moscow, Pravda, 1987. Vol. 2. 704 p.
6. Ivanchuk I. A. Ritoricheskij komponent v publichnom diskurse nositelej jelitarnoj rechevoj kul'tury. St. Petersburg, 2005. 697 p.
7. Kovaleva N.A. Russkoe chastnoe pis'mo XIX v. : Kommunikacija, zhanr, rechevaja struktura. Moscow, 2002. 576 p.
8. Leshutina I. A. Konstanty i peremennye russkoj "pochtovoj prozy" pervoj treti XIX stoletij. Available at: <http://www.dissercat.com/content/konstanty-i-peremennye-russkoi-pochtovoi-prozy-pervoi-treti-xix-stoletiya#ixzz2ucSopb5B>.
9. Poslednij god zhizni Pushkina. Moscow, Pravda, 1990. 704 p.
10. Pushkin A. S. Pis'ma poslednih let (1834–1837). Leningrad, Nauka, 1969. 526 p.
11. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij : in 10 vol. Moscow, 1949. Vol. 7.
12. Pushkin A.S. Sobranie sochinenij : in 10 vol. Moscow, Sovremennik, 1982. Vol. 10: Pis'ma 1830–1837 godov. 606 p.
13. Raevskij N. A. Pushkin i Dolli Fikel'mon. Moscow, Algoritm, 2007. 384 p.
14. Shishkov A. S. Sobranie sochinenij i perevodov. ch.III. St. Petersburg, 1924.

ЛОГОС ПУБЛИЧНЫХ РЕЧЕЙ Е.М. ПРИМАКОВА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ «МЕРКУРИЙ-КЛУБА» В ЦМТ МОСКВЫ 14.01.2014)

Калинина Анастасия Сергеевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: rumianchik@yandex.ru.

Статья посвящена анализу составляющих образа ратора – этоса, пафоса и логоса. Цель состоит в исследовании стратегий и тактик речевого воздействия в выступлении Е.М. Примакова как примеров диалектического рассуждения в рамках русского риторического идеала. Актуальность исследования обусловлена важной социальной ролью аргументации политического дискурса, а также существенным фактором